

Б<юро> царила невообразимая „смесь одежд“. С такой „разноголосицей“ недалеко уйдешь по пуританскому пути идейности!.. <...> Копеечный материал Б<юро>, за весьма редкими исключениями, „гроша ломаного“ не стоил; „знаменитости“ не корреспондировали; рассказы и стихотворения разили такой макулатурой, что даже беззастенчивому русскому коммерсанту зазорно пускать их в обиход». ⁵⁰ За всеми этими событиями Верещагин видел гораздо более глобальную исторически обусловленную проблему — централизацию страны и, как следствие, огромный интеллектуальный разрыв между столицей и провинцией.

Эта заметка Верещагина объясняет, почему на первый взгляд перспективное предприятие, позволившее читателям провинциальных газет познакомиться с современной модернистской литературой, не имело коммерческого успеха. «Бюро провинциальной прессы» не смогло найти компромисс между эстетическими и идеологическими задачами Соколова, интересами писателей и запросами провинциальных газет: известные столичные литераторы не были заинтересованы в сотрудничестве; рассылаемые статьи по своей остроте и престижности авторов не соответствовали ожиданиям газет; попытка заместить столичными писателями провинциальных беллетристов встречала естественное сопротивление со стороны последних.

⁵⁰ Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-188-201

МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ: 1917 ГОД В ПЕРЕПИСКЕ А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. И. ЯСИНСКОГО

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. С. АЛЕКСАНДРОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

История отношений А. А. Измайлова и И. И. Ясинского, подробно отраженная в их многолетней переписке, по праву служит образцом длительного делового и дружеского общения.¹ Тематика большинства писем 1917 года связана с деятельностью Измайлова в качестве редактора газеты «Петроградский листок». Данный пост он занял в апреле 1916 года и привлек к участию в издании маститых литераторов и журналистов, в том числе и Ясинского.² Оценивая преобразования, осуществленные Измайловым, Ясинский впоследствии отметил в «Романе моей жизни»: «Перед самой революцией Измайлов сделался редактором „Петербургского листка“, и в литературном отношении он придал ему характер весьма порядочной газеты».³

В 1917 году Ясинский периодически печатался в «Петроградском листке», помимо статей, стихотворений и рассказов, упомянутых в переписке, он опубликовал в газете еще два стихотворения: «Умер поэт...» («Как все необычайно...»), «Арфа» («Подобен арфе небосклон...»),⁴ ответ на «Анкету о часе признания художника» (наряду

¹ Подробнее см.: Мисникевич Т. В., Александров А. С. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог // Русская литература. 2023. № 2. С. 157–168.

² См.: Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

³ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 538.

⁴ Петроградский голос. № 25. 1917. 26 янв. (8 февр.). С. 6; № 45. 16 февр. (1 марта). С. 6. Стихотворения были посланы Ясинским в числе других в письме Измайлову от 9 декабря 1916 года; стихотворение «Арфа» предлагалось для рождественского номера «Петроградского листка» (см.: Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология

с Н. А. Тэффи, начинающими драматургами А. С. Поляковым и Р. П. Кузовым, художниками А. И. Куинджи и Н. С. Самокишем — под общим заголовком «Милые призраки»),⁵ статьи о проблемах и задачах в связи с переживаемым Россией моментом: «Амнистия», поддерживающую ходатайство освобожденных политзаключенных Шлисельбурга об амнистии уголовных преступников,⁶ «Роль интеллигенции»,⁷ «Союз торговцев» — об объединении мелких торговцев и снижении стоимости товаров.⁸

Рассуждения Ясинского о проблемах и задачах российского общества после февральской революции на фоне прочих представленных в газете выступлений литераторов и политиков не отличались каким-либо радикализмом; он не декларировал и открытой приверженности к программе большевиков. Однако в «Романе моей жизни» именно сюжет своего сотрудничества в «Петроградском листке» в 1917 году Ясинский использовал для подтверждения того, что еще до октябрьского переворота он стал исповедовать идеологию осуществившей его партии. События тех дней он интерпретировал следующим образом: «В конце февраля вечером я отправился повидать Измайлова в редакцию „Петербургского листка“. С ним я поддерживал личные дружеские отношения, тогда как в политических взглядах мы не сходились, и я напечатал у него за все время только два маленьких „праздничных“ рассказа — рождественский и новогодний. <...> Я застал редакцию „Петербургского листка“ пораженной страхом и трепетом».⁹

В качестве наиболее весомого аргумента, подтверждающего закономерность и искренность своего «обращения», Ясинский использовал факт публикации ответа на инициированную редакцией «Петроградского листка» анкету «Русские люди о революции». Среди откликнувшихся на просьбу Измайлова были А. В. Амфитеатров, П. Д. Боборыкин, профессора С. А. Венгеров, А. О. Grimm, И. Х. Озеров, В. Н. Сперанский, члены Государственной думы М. А. Александров, А. А. Бубликов, М. А. Караулов, священник В. И. Востоков и др. Ясинский прислал такой ответ: «Государственный переворот был принят за революцию, и в этом ошибочном представлении всячески старались утвердить народ, слепо веривший своим взглядам. Но мало-помалу революционная маска стала спадать с государственного переворота, и отсюда антагонизм и вражда между народом собственно и господствующими классами. Боюсь, что кончится нехорошо.

Государственный переворот — значит удачный бунт, переселивший царей в Сибирь, а тех, кто с ними сражался, водворивший в Зимнем дворце; причем в государстве все осталось, можно сказать, по-старому: также бессмысленная война, те же международные договоры (неизвестно какие), те же Кресты и политические аресты, та же охранка и запрещения газет и даже смертная казнь.

А революция значит — мир, довольство, свобода личности и слова и равенство. Увы! Революция была погашена в первые же дни.

Величайшим врагом ее, разумеется, была и есть война.

анализа. Коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021. С. 398).

⁵ В анкете Ясинский отметил: «Самым литературным днем своей жизни я считаю тот, в который получил письмо от Салтыкова и немедленно помчался к нему на Литейную. Я сидел у него в кабинете, он говорил мне что-то поощрительное, а у меня шумело в голове» (Петроградский листок. 1917. № 43. 14 (27) фев. С. 2).

⁶ Там же. № 61. 12 (25) марта. С. 2.

⁷ Там же. № 64. 16 (29) марта. С. 2; в статье, рассуждая о возникших в ходе революции объединениях по профессиональной и социальной принадлежности, Ясинский отметил: «Роль интеллигенции объединять, а не объединяться, не брать, а дарить <...> Истинная задача интеллигенции — не в выделении себя в группу особых деятелей прогресса, в какой-то интеллигентский пролетариат, а в неуклонной работе ума, смотря по способностям и наклонностям каждого интеллигента, располагающего большим или меньшим досугом и дарованием, направленной к совершеннейшему объединению всех объединяющихся для сплочения их в одну великую национальную, а впоследствии и в одну всенародную семью».

⁸ Там же. № 76. 29 марта (11 апр.). С. 1.

⁹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 685.

Мертвая петля на шее России, а вас продолжают звать к „победному концу“. Сырые войска сваливают военные неудачи на генералов, а сырые генералы — на войска. Десятками тысяч погибают ежедневно русские люди в неравной борьбе с врагом, и в помощь Вильгельму пришел еще голод, ляскает зубами беспардонный русский мародер и пожирает наши последние крохи. Благородная французская печать призывает японцев занять Сибирь своими гарнизонами! Америка великодушно готова взять в аренду русскую страну! Граница заперта, и мы даже для обороны не можем достать тех материалов, из которых строится смерть.

Не сегодня-завтра мы обанкротимся, и тем не менее дух безумия веет над Россией и, изнемогая в жестокой неволе нужды, мы даже молоденьких девушек бросаем с налитыми кровью глазами в жертву современному Молоху в его союзе с Марсом.

Истреблено уже несколько поколений здоровых молодых людей.

И, если бы не остановлена была революция, — разве продолжалось бы это страшное истребление жизней и разве генералы наши, прославившие свое имя отступлением и позором сдачи неприятелю миллиардных запасов, неизвестно для какой надобности свезенных ими на чужую территорию, решились бы говорить еще о „пролитии крови в недрах самой русской армии“, так сказать, домашними средствами? Ведь не армия выбирала генералов, и разве может армия отвечать, когда она безответственна? И наконец, спросила ли революция, если это была революция, хочет ли народ продолжать, при новых условиях государственной жизни, не им начатую войну?

Только прекратив войну, вздохнет страна более или менее свободно, и может разгореться нормально, а не в виде неожиданных страшных и кровавых эксцессов та революция — на началах братства, равенства, мира и всеобщего довольства, которой так жаждет народ.

И прежде всего необходимо заполнить бездну, которую последние месяцы вырыли между собою, между господствующими классами и народом наши властодержцы. А чтобы бездны не было между буржуазией и рабочим народом, надо ввести обязательную трудовую повинность, и только государство, забывшее о своей великодержавности и перековавшее меч на плуг и уравнивавшее всех без исключения в одной кузнице производительного труда, будет пользоваться уважением и любовью соседей извне и счастьем и радостью жизни — внутри.

Разумеется, политики, строящие жизнь или, вернее, разрушающие ее железом и кровью, казнями и террором, пожмут плечами, пробежав юбилейные мысли старого пацифиста, набрасывающего эти строки. Не сомневаюсь также, что только разве в форме анкеты могут появиться они даже в газете, которую подписывает редактор с известным литературным именем. Оттого вот уже в течение нескольких месяцев я ничего не печатаю, ибо я, в качестве писателя, не могу и не хочу быть партийным. А те мысли, которые жгут меня и томят и просятся на волю, свободного приюта не находят. Все же рад случаю, воспользовавшись приглашением редакции, сказать хотя бы немного из того, что я хотел бы сказать по поводу шестимесячного юбилея нашего „государственного переворота“ на тему о том, что именно помешало и мешает ему стать „революцией“.¹⁰

В книге мемуаров Ясинский дважды прокомментировал сюжет с анкетой (в главе LXXV об Измайлове и в главе CI о событиях 1916–1917 годов): «Когда по поводу шестимесячной годовщины нашей Февральской революции Измайлов стал печатать мнения, более или менее восхваляющие мещанский социализм Керенского и его сподвижников, я тоже дал Измайлову, в ответ на его обращение ко мне, статью и в ней высказал отрицательное отношение к политике народников, эсеров, кадетов и меньшевиков и подчеркнул подозрительное поведение Корнилова, между тем как поведение большевиков выставлял единственно правильным и лозунги их единственно приемлемыми. Измайлов был настолько литературен, что напечатал мое письмо, урезав в нем только одно резкое слово, но сопроводил письмо примечанием от себя, что за содержа-

¹⁰ Петроградский листок. 1917. 27 авг. (9 сент.). № 206. С. 2.

ние его редактор не отвечает, не разделяя моих взглядов»; «В статейке моей, которую редакция сопроводила уничтожающим примечанием, что она не отвечает за ее содержание, я открыто высказался за прекращение войны, за недоверие Корнилову и за программу большевиков».¹¹

Однако в самом выпуске «Петроградского листка» было опубликовано лишь общее примечание: «Газета не есть „парламент мнений“. Но единственный ее отдел — отдел опроса известных людей (анкета) приближается к парламенту, и здесь редакция считает себя обязанной дать место всякому свободному суждению, даже если оно расходится с ее идейной программой».¹² При тексте ответа Ясинского персональное «уничтожающее примечание» редакции отсутствует; в действительности писатель лишь предполагал, что такое намерение может возникнуть (см. п. 9). Вероятно, Ясинский опасался, что редакцию не устроит позиция «старого пацифиста» относительно войны, в целом совпадающая с позицией большевиков,¹³ никак не упомянутых в его рассуждениях; более того, Ясинский всячески подчеркивал свою внепартийность.

Как известно, на страницах своих автобиографических очерков и прежде всего сочинения, подводящего итоги его жизни, Ясинский нередко прибегал к «переверстке» собственной биографии.¹⁴ Стремление к подобной «переверстке» и одновременно самооправданию в глазах коллег по цеху, оказавшихся по большей части по другую сторону баррикад, намечено и в адресованном Измайлову «Письме к редактору». Письмо не датировано, но присутствующая в нем острота реакции Ясинского на обвинения левой прессы после поддержки власти большевиков позволяет отнести его к концу 1917-го — началу 1918 года. Зафиксированные в нем оправдания по большей части дословно перенесены на страницы «Книги воспоминаний».¹⁵

Однако аргументы Ясинского не убедили его современников. Петр Пильский писал в рецензии на мемуары: «Каково же было мое удивление, когда я сейчас прочел в этих воспоминаниях Ясинского о том, что он в „Биржевых ведомостях“ „проводил социал-демократическую линию“, в своем революционном пафосе был неудовлетворен „мировой политикой таких социал-демократов, как Струве“, и даже сверхчеловеку Ницше „придавал облик большевика“. Конечно, это грубая неправда. Ни о каких большевиках в „Биржевых ведомостях“ никто не думал. О них не было помину. Никогда Ясинский не склонялся не только к крайностям социал-демократической программы, но и отдаленно не был марксистом. <...> В своем радикализме, в своей давней левизне он хочет, конечно, уверить большевиков. Но не только их одних. Бессознательно (а быть может, и обдуманно) он желает убедить и нас в том, что он перешел в этот стан последовательно, естественно, даже органически. <...> Он убеждает, но мы не верим. Искренность всегда слышна. У Ясинского мы ее не слышим. Здесь

¹¹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 538, 685. В автобиографии 1920 года для Второго городского района РКП (большевики) Ясинский также указал на существование отдельного примечания к своему ответу: «В „Петербургском листке“ под редакцией Измайлова в августе 1917 г. мне удалось напечатать статью и в ней определенно высказать свое сочувствие большевикам и осуждение политики Керенского; статью эту редакция снабдила примечанием, что сотрудники газеты не согласны со мною» (Там же. Т. 2. С. 169).

¹² Петроградский листок. 1917. 27 авг. (9 сент.). № 206. С. 2.

¹³ Ранее Ясинский отзывался о продолжении войны в ином ключе: «Время не ждет. Надо помнить ежесекундно, что враг у ворот и что если старый режим довел страну до тяжкого положения и не мог защитить ее от потери (дай Бог, временной) восемнадцати великолепных провинций и от непомерной задолженности, и поставил нас лицом к лицу с возможностью захвата наших национальных богатств чужестранцами <...> и, наконец, можно сказать, без боя сдал свои позиции народу, а вместе с тем и возложил на него ответственность за исход войны, то новому режиму, новому народному правительству предстоит одна из труднейших задач ликвидации горя, доставшегося России в наследство от павшего навсегда политического рабства» (Ясинский Иер. Установление порядка // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 16 марта. № 16138. С. 5).

¹⁴ См.: Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 5–42.

¹⁵ См.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 700–702.

все подтасовка и искажение. Вся книга освещена неверным светом фальши. Она — длинное самооправдание».¹⁶

Каких-либо документальных свидетельств о реакции Измайлова на «Письмо к редактору» на сегодняшний день не обнаружено. Косвенным подтверждением его нежелания обострять отношения с Ясинским и тем более разрывать их служит тот факт, что в газете «Петроградский листок» не появилось ни одной публикации, напрямую осуждающей позицию писателя. Возможно, Измайлов, ценивший писательские, журналистские и редакторские достижения Ясинского, придерживался мнения, сходного с мнением А. Волинского: «Литературная карьера его необычайно капризна. Она всегда извивалась зигзагами, колесо фортуны то и дело скакало в гору и под гору, с рытвины на рытвину. Он был ценим, читаем, но никогда не был любим. И сейчас занимаемая им позиция в литературе советской России родит ему много врагов во всех лагерях, и в правоверных, и в протестантских».¹⁷

В состав настоящей публикации включены письма Измайлова и Ясинского из их личных фондов, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752) и Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392); часть писем датирована их авторами, остальные отнесены к 1917 году по содержанию. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой.

1

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

<до 20 февраля 1917 года>

Дорогой Александр Алексеевич,

А так ждали Вас на собрании поэтов!¹

Истинно пожалел Вас. Газета живая. Но не за живость же оштрафовали?²

Проболел, а теперь здоров, но уже разленился. Не вылезаю из своей берлоги.

Посылаю Вам два стихотворения (Петербургских) или, вернее, одно: -I-II. Не пригодится ли?³

Обнимаю Вас

Иер. Ясинский

¹ По-видимому, речь идет о заседании литературного кружка «Вечера Случевского», существовавшего в 1904–1917 годах; объединение являлось продолжением «Пятниц Случевского». Ясинский возглавлял «Вечера Случевского» с 1913 года; заседания часто проходили в его доме на Черной речке (ул. Головинская, 9); Измайлов был участником кружка (см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004. С. 215). В «Романе моей жизни» Ясинский отмечал непринужденную атмосферу собраний кружка и его преемственность «пятницам» Случевского: «Справедливость требует сказать, что хотя мы обязаны были строго относиться к плодам нашей музыки, но и этот кружок можно было бы назвать также „клубом взаимного восхищения“. Был это последний кружок поэтов, дотянувших свое бытие до революционного перелома. На его собраниях было весело, все чувствовали себя непринужденно, по-товарищески...» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Т. 1. С. 362–363).

² Накануне февральской революции «Листок» был оштрафован на 2000 рублей; об этом говорилось в заметке «Кары на печать», в которой сообщалось о репрессивных мерах московских властей, взявших под цензуру всю московскую печать, и распоряжении командующего войсками петроградского военного округа о закрытии на время действия военной цензуры газеты «Kurier nowy» («Новый курьер») и журнала «Преступление и наказание» и наложении штрафов на «Петроградский листок» и «Русскую волю» (Петроградский листок. 1917. 15 (28) февр. № 44. С. 5); см. также письмо А. В. Владимирского к Измайлову от 18 февраля 1917 года (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 1).

¹⁶ Цит. по: *Пильский П.* Роман лицемера // Там же. Т. 2. С. 186.

¹⁷ *Волинский А.* Лица и лики // Жизнь искусства. 1923. № 40. С. 17.

³ Стихотворения «Трамвай» («Поют хрустальные вагоны...»), «Где-то пожар» («Медь трубит сигнал унылый...») были опубликованы в газете «Петроградский листок» (1917. 21 февр. (6 марта). № 50. С. 3) под рубрикой «Петроградские картинки».

2

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

20/2 1917 г.

Дорогой Иероним Иеронимович,

Сердечно благодарю за стихи. Рад бы был и рассказу. И самая главная просьба — не отказать «Петроградскому листку» в рассказе для пасхального номера. Просьба не стеснять себя никакими условностями пасхального рассказа, — может быть, избегая только мрачного настроения.

Ввиду намерения вместить в газету много рассказов, желателен размер 250-300-350 строк. Не откажите в любезном сообщении о Вашем согласии и том сроке, когда Вам угодно было бы прислать рукописи.

Я уже писал Вам об этом, но сейчас удостоверился, что многие из тогда посланных писем не дошли, — почта ужасная! Утешьте согласием. — Сам я страшно жалел, что не мог быть у Вас с поэтами кружка Случ<евского>, — почти никуда не удается выехать. Хочу на днях поехать отдохнуть, и кажется, удастся побыть с А. И. Куприным в одном санатории.¹

Душевно Вас любящий А. Измайлов

Прелестен Ваш последний рассказ в «Б<иржевых> в<едомостях>», — вижу и денщика и горничную, похожую на барышню.²

На редакционном бланке газеты «Петроградский листок». Часть письма (типовое обращение с просьбой о рассказе) отпечатана типографским способом.

¹ А. И. Куприн находился на лечении после перенесенной малярии в санатории в Гельсингфорсе с середины декабря 1916 года; в конце февраля 1917 года вернулся в Петроград.

² Имеется в виду рассказ «Тень Володеньки», опубл.: Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 19 февр. № 16108. С. 3.

3

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

24 февраля 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Благодарю Вас за лестное мнение о моем рассказе. Что же касается рассказа для Вас, то он давно готов и, как только отделаю его, немедленно представлю. Нельзя сказать, чтобы он был святочный. Во всяком случае — весенний.¹

От всей души поздравляю Вас с газетой, которую Вы так оживили² и которую я начинаю читать раньше других газет.

Сердечно Ваш, целую Вас Иер. Ясинский

¹ В анонсе пасхального номера (см.: Петроградский листок. 31 марта (13 апр.). № 78. С. 1) значился рассказ Ясинского «Малютка». Однако он был напечатан позже, в иллюстрированном приложении к газете, см.: Петроградский листок. 1917. 23 апр. (6 мая). № 98. С. 6–10. В праздничном номере приняли участие многие известные литераторы, предоставившие рассказы: А. И. Куприн («Люди-птицы»), К. С. Баранцевич («Уклейка»), В. Ф. Боцяновский («Повесть о Муции, воине римском»), А. С. Грин («Мрак», «Труп-невидимка»), И. Н. Потапенко («Тетя Варя») и др.

² Ясинский, как и многие писатели-современники, высоко оценивал преобразования, осуществленные Измайловым на посту редактора «Петроградского листка». В письме к Волынскому от 18 января 1917 года он сообщал, что, по его мнению, «Петроградский листок» был «единственной газетой, в которой главный редактор настоящий литератор» (ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 1–11).

4

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

25 февр<аля> <1>917

Дорогой Александр Алексеевич,

Еще две картинки.

И два рассказа — похолоднее один, «Малютка»,¹ а другой — потеплее — «Прогулка».²

Обнимаю Вас.

Преданный Вам и любящий Вас Иер. Ясинский

¹ См. прим. 1 к п. 3.

² Рассказ «Прогулка» был опубликован в иллюстрированном приложении к «Петроградскому листку» (11 (24) мая. № 114. С. 7–10). Публикация сопровождалась фотопортретом Ясинского.

5

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

Марта 1917 г<ода>

Дорогой Иероним Иеронимович,

Редакция газеты «Петроградский листок» имеет честь покорнейше просить Вас высказаться по поводу переживаемого Россией момента в какой Вам угодно форме, — в фельетоне ли, в передовой ли, в передаче ли личных наблюдений, в рассказе ли о личной когда-либо встрече со старой властью, о столкновениях с нею и т. д. — по всему простору. Очень прошу подписи.¹

Глубоко обязали бы Вашего искреннейшего почитателя. За р<асска>зы сердечно благодарю.² М<ожет> б<ыть>, будут стихи к моменту?

Простите безобразное письмо.

Ваш душевно —

поздравляющий Вас с праздником

А. И.

На редакционном бланке газеты «Петроградский листок». Часть текста отпечатана типографским способом.

¹ Ясинский откликнулся на просьбу Измайлова. В заметке «О политическом моменте», наряду с мнением «представителей прогрессивных групп Государственного совета» барона В. В. Меллера-Закомельского и М. А. Стаховича, было напечатано суждение Ясинского: «Говорят и пишут: „свершилось чудо“. А по моему мнению, нет чуда в естественном процессе созревания народной мысли и народной совести. Созрел и плод, из зеленого и желтого стал красным, и только ждать надо было первого свободного ветра, чтобы он упал с нашего дерева. Оттого-то великое дело обновления произошло с такой неимоверно быстротой и почти без пролития крови, чему я, враг каких бы то ни было кровавых стрессов, особенно радуюсь. И если бы не предательства кучки полицейских, не было бы пролито ни единой капли крови. Случилось бы то, что много лет тому назад было предсказано, не помню уже в какой книге своей, Кропоткиным и что казалось утопией, но во что хотелось верить и во что я верил... Счастлив, что пришлось дожить все-таки до беспримерной в истории революции и что наше отечество явилось ее великой ареной» (Петроградский листок. 1917. 8 (21) марта. № 57. С. 4).

² См. прим. 1 к п. 3 и прим. 2 к п. 4.

6

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

11/V <1917>

Дорогой Иероним Иеронимович, я взял кратковременный, двухнедельный отпуск, ибо совершенно изнемог за год с месяцем непрерывной каждодневной работы и ответственности. Теперь я наслаждаюсь отдыхом и сплю. Очень бы хотелось Вас повидать. Позвольте Вас посетить, но хотелось бы ехать наверное и застать Вас. В «Б<иржевых> в<едомостях>» мне не могли дать точных справок. Побывать у Вас, м<ожет> б<ыть>, удалось бы и соблазнить Вас провести вечерок у меня в самой маленькой и интимной компании.

Письма нынче ходят неаккуратно. Не будете ли Вы добры закинуть мне в телефон 132-24 через кого-либо из Ваших одно слово: когда Вы смогли бы видеть меня, в субботу, в воскресенье? Понедельник я не свободен. Душа просит встречи и беседы.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Ваш А. Измайлов

На личном бланке Измайлова.

7

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

Дорогой Иероним Иеронимович,

Ввиду изменения закона по статье 1039, очень интересен был бы для нашей газеты Ваш фельетон (200 <строк>) о том, как Вас, как редактора, «казнили» за клевету и диффамацию при старом режиме.

Покорная просьба признать это предложение весьма срочным.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности

Искренне Ваш

А. Измайлов

24 мая 1917 г.

На редакционном бланке газеты «Петроградский листок», типовое с правкой. К письму приложена вырезка из газеты с заметкой в рубрике «Дела печати» с сообщением: «Комиссия по пересмотру уголовного уложения 1903 г. постановила отменить известную по судебным процессам II часть статьи 1039 улож<ения> о нак<азаниях>, которая гласит: „Если подсудимый, посредством письменных доказательств, докажет справедливость позорящего обстоятельства, касающегося служебной или общественной деятельности лица, занимающего должность по определению от правительства или по выборам, то он освобождается от наказания, налагаемого этой статьей (штраф до 500 руб., тюрьма до 1 года и 4 мес.); но он может быть подвергнут взысканию по следующей 1040 ст. (штраф до 300 р., арест до 3 мес.), если суд в форме преследуемого сочинения или в способе его распространения и других обстоятельствах усмотрит явный умысел нанести должностному лицу или установлению оскорбление“». Ответ Ясинского не выявлен.

8

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

<после 20 августа 1917 года>

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам анкету¹ и ужасно не сомневаюсь, что Вы проверите сами корректуру, дабы не было пропущено чего-нибудь, ибо с какими бы то ни было пропусками эти слова мои не будут иметь уже никакого значения.

Сердечно Ваш
Иер. Ясинский

¹ См. вступ. статью.

9

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

<после 20 августа 1917 года>

Дорогой друг Александр Алексеевич,
Вероятно, мое излияние Вы найдете нужным снабдить примечанием.
Очень был бы счастлив, если бы Вы сами перечитали корректуру.
Когда Вас повидать интимно?
Целую Вас

Иер. Ясинский

10

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову¹

<после 19 ноября 1917 — начало 1918 года>

О большевиках, о сверхчеловеке и жабах

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

Дорогой Александр Алексеевич,

Охотно откликаюсь на Ваше предложение рассказать Вам о моих последних переживаниях. Наша литературная дружба не может пострадать от этого и не внесет новых острых недоразумений в наши политические разногласия. К тому же Вы однажды уже допустили в редактируемой Вами газете некоторые мои признания, напечатанные хотя и в форме анкеты,² однако вообще неприемлемые с точки зрения какой бы то ни было политической партии, за исключением партии большевиков, в то время еще гонимой, а ныне главенствующей. Это было в конце августа.

Моя почти болезненная застенчивость заставляла меня всю жизнь избегать кружковщины и партийности и держаться в стороне. Этому помогала еще художественная натура моя. Можно сказать, я не был политиком. К политическим вопросам я относился как к каким-то масонским тайнам, переплетенным шарлатанскими символами и уголовными преступлениями. Тянуло меня искони к анархизму — как к такому учению, которое, вытекая из христианских источников, отрицает богатство, неравенство, власть и условную мораль, а взамен проповедует радость жизни и требует для всех счастья. Вы были долгое время сотрудником «Б<иржевых> ведомостей», когда я был их редактором.³ Поэтому Вы помните, в каком истинно демократическом духе велась газета и каким страшным гонениям она тогда подвергалась. То было время расцвета газеты, и защита в ней насущных интересов рабочих, крестьян и вообще всей русской и еврейской бедноты сделала ее чрезвычайно популярной в провинции,⁴ а г. Пропперу принесла миллионы. Будем беспристрастны, Александр Алексеевич: г. Проппер потом забыл, что своим благополучием он обязан пролетарской России...⁵

В 1906 г. в журнале своем «Беседа» я стал проводить анархистские идеи и знакомить своего читателя с мыслями Кропоткина, Бакунина, Штирнера и др. Но уже в следующем году журнал был арестован, а я отдан под суд. Хотя судебная палата оправдала меня, но журнал пришлось прекратить.⁶

Между анархизмом, как бы он культурен ни был, и социал-демократическою постепеновщиною — большая разница. Небо и земля. И мои симпатии не лежали ни на стороне социал-демократов, ни на стороне социал-революционеров. В повести «Облако» я вывел образованного и культурного идеалиста-анархиста в его столкновении с социалистом, способным «на все».⁷

Мне хотелось когда-нибудь изобразить богатыря, каким он должен представляться современному русскому человеку. Уже Достоевский намекнул на тип богатыря в своих изображениях нигилистов, несмотря на все его отрицательное отношение

к ним. Создавал и ненавидел.⁸ Но все написанное мною в этом направлении осуждено было лежать в письменном столе и лежит до сих пор.⁹

Знакомство с сочинениями Ницше бросило свет на мой замысел о русском сверхчеловеке. Я претворил и переломил в своей призме гордые и величавые идеи Ницше...¹⁰ И вдруг революция. И вдруг русская действительность выдвинула большевика!

Самое название символично. Исходит большевизм как будто из социал-демократического гнезда, а на самом деле — глубоко русское явление. Большевизм тот же анархизм, только организованный. Иначе — коммунизм. Большевики есть и могут быть разные. Но тип большевика определенный, яркий и мощный тип сильного физически и морально, русского богатыря. Меня сразу повлекло к нему.

Мои «Отблески Ницше» печатались в «Б<иржевых> в<едомостях>» еще до революции, еще в январе. Сотрудничать я перестал после 21 апреля.¹¹ И лишь по просьбе А. Л. Волынского напечатал в «Б<иржевых> в<едомостях>» около пяти стихотворений.¹² Коробило меня соседство контрреволюционных статей.

Во всяком случае я не был и не мог быть «нынешним» редактором «Б<иржевых> в<едомостей>», как утверждает «Речь».¹³ Это ужасно невежественно или недобросовестно.

Кронштадт официально обратился ко мне еще в апреле с предложением «принять участие в органической работе Совета». Осенью предложение было повторено от местной культурно-просветительской комиссии, и я, тяжелый на подъем, наконец поехал, и отрадное впечатление произвел на меня этот спокойный, самоуправляющийся город, населенный сознательными и в полном смысле слова равнодушными гражданами, стремящимися к свету и к правде.¹⁴

С А. В. Луначарским, пригласившим меня к себе, я познакомился накануне моего отъезда в Кронштадт, и таким образом состоялось в Зимнем дворце «сретение», за которое так досталось мне и ему.

Много горьких жаб преподнесла мне прежде всего «Новая жизнь», а вслед за нею и другие враги большевиков.¹⁵ Конечно, проклятая фраза в моем слабом и измызганном цензурой романе «Первое Марта» о том, что городской не взял тридцати сребренников, предложенных ему Лидией Антоновой, выхваченная отдельно, непростительно отвратна. Хотелось что-то язвительное сказать по адресу полицейского, и не удалось.¹⁶ Но однако же этим приемом можно положить в лоск кого угодно. Беру сейчас «Известия», раскрываю газету и в первой же статье натываюсь на фразу: «следует разоблачать злокозненные замыслы большевиков».¹⁷ Такие приемы носят название передержек.

Вообще мои антагонисты ужасно чисты, а я ужасно грешен. Бог с ними. Все-таки я не в их стане и остаюсь самим собою. Смотрю на них сверху вниз, а жаб проглотил; и признаюсь Вам, это самое гнусное блюдо, каким когда-либо ближний угощал ближнего.

Рассчитывать на какие-либо милости и подачки правительства я не думал и не думаю. Не пользовался я милостями и Соловьева, как клеветает «Речь».¹⁸ И, если бы правительству понадобилась моя литературная работа, я готов был бы послужить бесплатно. Это ведь служба народу. И у меня сделана привычка к бескорыстию.

И не я, как утверждало «Русское богатство», обобрал г. Проппера («сумел обобрать»)¹⁹ — а г. Проппер «сумел» не заплатить мне построчный гонорар за две с половиною тысячи статей, когда я попросил рассчитать меня хотя бы по пяти копеек, что составило бы около тридцати тысяч за семь лет напряженной работы. Он предложил мне всего три тысячи, и я, прижатый к стене срочным векселем, должен был согласиться.²⁰ Дело, так сказать, коммерческое, и я бы ни за что не упомянул о нем, если бы не эти жабы, реагировавшие на «Сретение» соединенным остервенением («Речь», «Вечернее время», «День», «Дело народа», «Новая жизнь»)²¹ Впрочем, такое уж теперь остервенелое время (выражение М. А. Спиридоновой).²²

Колот мне также глаза тем, что я безработный. Негде писать, что же делать. Но горжусь тем, что голодаю, а не пишу под чужую дудку.

Впрочем, должны же народиться свободные литературные журналы. И то, что я пишу теперь для себя, после моей смерти, все равно, будет напечатано. Отравленный жабами, я все-таки «весь не умру».

Уже, конечно, не увижу великого духовного расцвета русского народа, но твердо верю, что обновится душа его, что вместо отшатнувшейся от него дворянской интеллигенции народится новая народная интеллигенция, которая создаст еще замечательные произведения искусства, что необыкновенно широко в близком будущем расправит свободные крылья наша национальная поэзия и что скоро, скоро русский день перестанут омрачать враждебные ему тени.

Жму Вашу руку
Иер. Ясинский

¹ Текст этого письма был использован в комментарии к изданию: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Т. 2. С. 338–340.

² Имеется в виду анкета «Русские люди о революции»; подробнее см. во вступ. статье.

³ Ясинский занимал должность редактора «Биржевых ведомостей» с июля 1896 по январь 1903 года; Измайлов в 1898–1916 годах вел в издании еженедельную рубрику «Литературное обозрение».

⁴ Во втором издании «Биржевых ведомостей» под псевдонимом «Независимый» Ясинский вел рубрику «Что думают и делают в провинции», ранее рубрику вел Д. А. Линева под псевдонимом «Далин», она пользовалась популярностью; Ясинскому удалось существенно увеличить аудиторию. А. Е. Кауфман вспоминал: «Второе провинциальное издание „Биржевых ведомостей“ сразу получило широкое распространение в провинции, проникая в самые отдаленные медвежьи углы. Своим завоеванием русской провинции газета почти всецело обязана Д. А. Линева, его еженедельным беседам за подписью „Далин“, и сменившему потом Далина — И. И. Ясинскому. Беседы Далина, писавшиеся с большим пафосом, который в наше время показался бы несколько наивным, затрагивали все современные „проклятые вопросы“, будили общественную совесть горячим заступничеством за униженных, оскорбленных и обездоленных» (*Кауфман А. Е.* Из журнальных воспоминаний // Исторический вестник. 1912. № 12. С. 1072). В очерке «Мои цензора» (1911) Ясинский также отдавал должное Линева и описывал свои преобразования следующим образом: «Подписчики привыкли к тону Далина, корреспонденты усвоили даже его слог, он имел большое влияние на аудиторию, и я начал получать письма, что я не справлюсь с делом, которое я взял на себя, и что подписки не будет. <...> Самолюбие мое было задето, и я решил поднять „Биржевые ведомости“. Расчет был ясный. Раз дело было поставлено Линевым, надо было, разумеется, прежде всего удержать его хотя бы на прежней высоте, а затем постараться привлечь к газете не один Западный край, как это было раньше, а всю Россию. Сделать же это можно было искреннею беседою с русскими людьми о том, что больше всего их занимало и терзало. Надо было, проповедуя терпимость и гуманность — банальное, но вечные принципы, — примирить национальные противоречия, которыми так богаты русские области, и слить их в одном чувстве справедливости и протестующих настроений» (*Ясинский И. И.* Мои цензора // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 2. С. 109–110). В «Романе моей жизни», принизив роль Линева, Ясинский усилил присутствующий в письме акцент на обострении социального пафоса во время его редакторства; см.: Там же. Т. 1. С. 506–508, 517–518.

⁵ Проппер Станислав Максимилианович (1855–1931) — издатель (1880–1917) и редактор (1891–1906) газеты «Биржевые ведомости»; пользовался среди современников репутацией предприимчивого и умеющего приспособляться к различным общественно-политическим обстоятельствам человека; подробнее см.: *Кауфман А. Е.* Из журнальных воспоминаний. С. 1067–1078; *Витте С. Б.* Воспоминания: В 3 т. М.; Таллин, 1994. Т. 3. С. 58–62. Данные качества Проппера также подробно описаны Ясинским в «Романе моей жизни» (см.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Т. 1. С. 502–529).

⁶ Ясинский издавал ежемесячный иллюстрированный литературный журнал «Беседа» в 1903–1908 годах, где регулярно публиковались его статьи, посвященные различным общественно-политическим движениям и их деятелям; см., например: «Афоризмы Макса Штирнера» (1905. № 4. С. 18–24), «Жизнь анархиста. Статья первая» (1907. № 1. С. 54–63), «Гениальная догадка («Откровение в грозе и буре, исследование Н. А. Морозова»)» (1907. № 1. С. 367–373). 2 февраля 1907 года Санкт-Петербургский цензурный комитет вынес постановление о привлечении Ясинского как редактора-издателя «Беседы» к уголовной ответственности (по закону от 24 декабря 1906 года и Высочайшему указу от 24 ноября 1905 года) за публикацию рассказа Федора Черного «Жертвы красного воскресенья» (Беседа. 1907. № 1) и о наложении ареста на первый номер журнала (см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1547. Л. 31). 14 февраля по определению Санкт-Петербургского окружного суда арест был отменен, обвинения, выдвинутые против Ясинского, сняты (см.: Там же. Л. 42). В 1908 году вышла только одна книга: «Беседа. Литературный сборник И. И. Ясинского на 1908 г.». Подробнее об истории издания журнала и его цензурных преследованиях см.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Т. 1. С. 545, 578; Т. 2. С. 345, 352.

⁷ См.: *Ясинский Иер.* Облако // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914. 1 июля. № 14230. С. 2; 4 июля. № 14236. С. 2; 5 июля. № 14238. С. 2; 8 июля. № 14240. С. 2; 9 июля. № 14242. С. 2; 10 июля. № 14244. С. 2; 12 июля. № 14246. С. 2.

⁸ О восприятии Ясинским личности и творчества Достоевского см.: *Пильд Л.* Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского. С. 31–33.

⁹ По-видимому, подразумевается неопубликованное произведение, в архиве Ясинского его текст представлен в трех вариантах: «Анархист Конон», «Анархист Конон единственный», «Единственный»; все они датированы 1908–1911 годами; см.: *ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 125, 126, 127*; упоминается в «Романе моей жизни» (см.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Т. 1. С. 570). Сохранился внутренний отзыв Д. А. Горбова: «Ясинский. Конон единственный. Отрывок из романа. В отрывке действуют три лица: бандит, художник и девушка. Первые двое поочередно насилуют третью. Но это не из хулиганства, а по „глубокому“ психологическим мотивам. В конце концов бандит убивает девушку, т. к. она отталкивает его от бандитизма. Этюд, очевидно задуманный с установкой на психологизм, странным образом обегает психологию и сосредоточивается на смене внешних событий. Возможно, что в контексте романа это получает свое оправдание. Но в таком виде отрывок в „Книжках недели“ идти не может» (*ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 3. Ед. хр. 118*).

¹⁰ Ясинского и ранее привлекала художественная форма философии Ницше и его проповедь свободы в проявлении человеческой индивидуальности: «Ницше действует на умы не столько силою убеждения и логикой доводов, сколько поэтическими красками <...>. Ницше — блестящий нигилист, приведший в своих сочинениях в систему все действительно отрицательные веяния XIX века» (Нравственность и безнравственность // Ежемесячные сочинения. 1902. № 2. С. 151 (без подп.)). О влиянии Ницше на Ясинского см.: *Нымм Е.* «Новый человек» в повести И. Ясинского «Учитель» // Блоковский сборник. Тарту, 2000. Вып. 15. С. 90–107. *Пильд Л.* Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского. С. 17, 23–24.

¹¹ Ясинский неточен — после апреля 1917 года он продолжал печатать публицистические статьи в «Биржевых ведомостях», см.: «Накануне» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 2 июля. № 16314. С. 7), «Памяти Бакунина» (Там же. 9 июля. № 16326. С. 4), «Алексей Толстой и наши дни» (Там же. 10 сент. № 16435. С. 2), «Открытие товарищеской выставки» (Там же. 24 сент. № 16459. С. 6).

¹² А. Л. Волынский был редактором Литературно-критического отдела «Биржевых ведомостей» с середины 1916 года, подробнее см.: *Александров А. С.* А. Л. Волынский — сотрудник и редактор в газете «Биржевые ведомости» в 1911–1917 гг. (по архивным материалам) // Русская литература. 2022. № 2. С. 55–66. С апреля до Октябрьской революции в «Биржевых ведомостях» были опубликованы следующие стихотворения Ясинского: «18-го июня» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 25 июня. № 16308. С. 6), «Вне закона» (Там же. 6 авг. № 16374. С. 5), «Отблески Ницше» («Избегает подаянья...») (Там же. 10 сент. № 16435. С. 5), «Осень (Из отблесков Ницше)» (Там же. 1 окт. № 16471. С. 6).

¹³ Имеется в виду статья П. Мартынова «Священный старец», в которой представлен такой комментарий к встрече Ясинского и Луначарского: «Теперь наступило царство нового режима, очень похожее, по своим приемам, на царство Николая. И Иеронима-Богоприимца потянуло в Смольный. Почему знать? Может быть, завтра какая-нибудь из „буржуазных“ газет получит приказ избрать себе в редакторы Иеронима Ясинского. Иначе она будет запрещена» (*Мартынов П.* Священный старец // Свободная речь. 1917. 19 нояб. № 1. С. 3).

¹⁴ 14 ноября 1917 года Ясинский выступил с приветствием на заседании Кронштадтского Совета и с лекцией о Ницше в зале Кронштадтского инженерного училища; организатором лекции была Просветительно-культурная комиссия Кронштадтского Совета. Данное событие подробно описано в очерке Ясинского «Среди моряков (Из «Книги воспоминаний»)» (Красный флот. 1923. № 3. С. 51) и в «Романе моей жизни» (см.: Т. 1. С. 693–696). См. также: Сверхчеловек и большевик // Эра. 1917. 21 дек. № 2 (без подп.).

¹⁵ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — государственный и партийный деятель, нарком просвещения, литературно-художественный критик. В статье «Сретение» (Известия. 1917. 17 нояб. № 228. С. 3) он подробно описал свою встречу с Ясинским в Зимнем дворце. После выхода статьи на Ясинского, пошедшего на сотрудничество с новой властью, обрушился поток обвинений в беспринципности и аморализме со стороны антибольшевистской печати. В газете «Новая жизнь» М. Горький откликнулся на встречу Ясинского и Луначарского в статье из серии «Несвоевременные мысли»: «В среде лиц, якобы „выражающих волю революционного пролетариата“, введено множество разного рода мошенников, бывших холопов охранного отделения и авантюристов; лирически настроенный, но бестолковый А. В. Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации. Это значит — пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат» (Новая жизнь. 1917. № 194. 6 дек. С. 1). Газета продолжала нападать на Луначарского в связи с Ясинским и далее, см., например, статью В. Базарова «Бегемот в посудной лавке» (Там же. 1918. № 74. 23 апр. С. 1). Перечень откликов на статью Луначарского в газетах «День», «Русские ведомости», «Дело народа» и др. и выдержки из

них см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События, отзывы современников, библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 1. С. 61–62, 67, 71.

¹⁶ Речь идет о романе «1 марта 1881» (Ежемесячные сочинения. 1900. № 1–12; подп.: И. Я.). Одинадцатый номер журнала был задержан по распоряжению Санкт-Петербургского цензурного комитета, а Ясинский был вызван для объяснений (см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1299. Л. 15–16). Впоследствии Ясинский неоднократно оправдывался за публикацию романа, в котором в негативном свете было изображено революционно-освободительное движение; в частности, в очерке «Мой цензора», вспоминая преследования журнала «Ежемесячные сочинения», он отметил: «В этом отношении больше всех пострадал и подвергся переделкам роман „Первое марта“. Надо было бы совсем выбросить его, но он уже начал печататься; я уже согласился на целый ряд изменений и просто не умел ссориться с всемогущим цензурным ведомством» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 2. С. 160–161). В рецензии на «Роман моей жизни» И. Н. Кубиков так прокомментировал самооправдания Ясинского: «Цензура могла вырезать из романа страницы, но ведь не она же водила рукой Ясинского, когда он под именем Лидии Антоновны выводил Софью Перовскую. Ведь у него в романе Перовская, арестованная на улице, обращается к полицейскому чину с просьбой взять тридцать рублей и отпустить ее. Эту главу Иер. Ясинский заканчивает патетически: „Но полицейский не продал себя за тридцать сребреников“. Цареубийство в романе квалифицируется автором как „неслыханная дерзость преступления“. Смазывая дегтем облики великих подвижников революции, говоря о том, что народovolьцы действовали „на английские деньги“, Иер. Ясинский такими светлыми красками рисовал появление Александра III — этого грубого бурбона — перед народом...» (Кубиков И. И. Из литературного прошлого // Там же. С. 204).

¹⁷ Вероятно, имеется в виду ежедневная газета «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» — официальный орган Совета крестьянских депутатов; издавалась в Петрограде с 9 (22) мая по декабрь 1917 года; редактор — Н. Я. Быховский. Газета выражала взгляды правого крыла эсеров; октябрьский переворот встретила враждебно и была закрыта.

¹⁸ Соловьев Михаил Петрович (1842–1901) — начальник Главного управления по делам печати (1896–1900). История знакомства Ясинского с Соловьевым и контактов с ним во время сотрудничества в газете «Биржевые ведомости» подробно изложена в его мемуарном очерке «Мой цензора» и в «Романе моей жизни» (см.: Там же. Т. 1. С. 496, 503–506, 517–518, 522–531; Т. 2. С. 103–104). В газете «Свободная речь» о роли Соловьева в судьбе Ясинского говорилось следующее: «Ему ведь после 1905 года жилось плохо. Старый его покровитель, главноуправляющий по делам печати, Соловьев, сошел в могилу. Он уже не мог навязывать себя в редакторы газет, как он это сделал в свое время с „Биржевыми ведомостями“. И почтенный старец хирел в бездеятельности. Каких-нибудь двадцать лет тому назад „Биржевые ведомости“, „избрав“, по принуждению Соловьева, своим редактором Ясинского, спасли свое существование. Ясинский остался таким же, каким был. Только место Соловьева занял Луначарский. Разница не велика» (Мартьянов П. Священный старец. С. 3). Ср. свидетельство литературного критика Вл. Кранихфельда: «Ясинский был <...> навязан насильственно газете в редакторы цензурным ведомством <...>. Дело в том, что время, когда во главе цензурного ведомства стоял покровитель Ясинского, было временем беспримерного даже в России цензурного террора. <...> Стараясь во что бы то ни стало реабилитировать память своего покровителя, Ясинский в некрологе, напечатанном в № 2 „Ежемесячных сочинений“ (1901 г.), рисует Соловьева как социального реформатора, мечтавшего придавить издателей и заставить их плясать под дудку литераторов <...>. Как ни нелепо такое оправдание соловьевского цензурного режима, но я не могу оспаривать его» (Кранихфельд Вл. Литературные отклики. Два юбилея // Современный мир. 1911. № 3. С. 314).

¹⁹ Имеется в виду статья А. В. Пешехонова «На волне пошлости», в которой он обвинял Ясинского в приспособленчестве и нарушении этических норм, выразившемся в согласии занять пост редактора «Биржевых ведомостей» после устранения Д. А. Линева; о том, что Ясинский «обобрал» Проппера, речь в статье Пешехонова не шла, однако данный миф регулярно воспроизводился Ясинским на страницах «Книги воспоминаний» (см.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 521, 577–576, 701).

²⁰ Данный эпизод также представлен в мемуарах Ясинского: «Если даже считать по пятачку за строчку, а меньше 10 копеек у нас не получали, то за 3 тысячи с лишком статей мне причиталось к концу семилетней работы моей около 40 тысяч рублей. Несколько раз я говорил Пропперу, что коплю эти деньги на черный день. Наконец мне понадобились деньги. Я потребовал. Проппер целую неделю медлил и наконец прислал мне 3 тысячи» (Там же. С. 522).

²¹ Возможно, Ясинского особенно задел отклик В. Г. Короленко, поскольку он писал о Ясинском и новой власти предельно жестко: «В лице И. И. Ясинского в окровавленный пролом Зимнего дворца вползла к вам только старая рептилия, привыкшая извиваться перед всякой восходящей силой... У большевизма очень „дурная пресса“. Материально он преуспел. В его руках сила, в его руках власть, в том числе власть над русской печатью... Торжествующий большевизм не только закрывает „неблагонадежные“ газеты, но еще сажает писателей в тюрьмы за их „противо-

правительственное направление“; он реквизирует типографии и бумагу независимых газет и отдает их своим официозам, он монополизировал в пользу официозов и рептилий частные объявления... Это ли не могущество! Да, могущество, но не морального порядка... Власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола. Берегитесь же! Ваша победа — не победа. Русская литература, и притом вся она... без различия партий, оттенков и направлений, — не с вами, а против вас. Горькие уходят, приходят Ясинские. И я поздравляю вас, бывший писатель, а ныне министр-комиссар, гр-н Луначарский, с этой символической заменой» (*Короленко В.* Торжество победителей // *Русские ведомости.* 1917. 3 дек. № 265); см. также: *Ясинский И.* Золото... но не американское. Мой ответ В. Г. Короленко // *Петроградская вечерняя почта.* 1917. 13 дек. № 19.

²² Спиридонова Мария Александровна (1844–1941) — российская революционерка, одна из лидеров партии левых эсеров. Вероятно, Ясинский говорит о ее позиции, высказанной на Первом съезде партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), проходившем в Петрограде 19–28 ноября 1917 года; рассуждая о задачах партии в новых исторических обстоятельствах, Спиридонова, в частности, отметила: «Мы вступили в новый фазис истории, ожесточенной классовой борьбы; остервенение и вражда достигли крайнего напряжения, дошли до апогея. Вспомните, с кем мы сейчас боремся. Мы забыли наших общих врагов — капиталистов и фабрикантов и с большим озлоблением боремся с нашими же товарищами, перед которыми многие из нас преклонялись» (Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. Июль 1917 г. — май 1918 г. С. 94–95).

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-201-214

© С. А. Огудов

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ НАРРАЦИЯ В КИНОСЦЕНАРИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО*

Интерес нарратологии к сценарному тексту связан с переходом от изучения готового фильма к словесным нарративам, сопровождающим реализацию замысла. Если в период становления film studies первостепенной задачей исследователей был анализ фильма как законченного авторского произведения, то затем их внимание стало все более смещаться к различным сторонам творческого процесса. При таком взгляде киносценарий становится интересен не только как литературное произведение, но и как особого рода нарратив, предопределяющий киноповествование.

В 2000–2010-е годы в англоязычном литературоведении появляются академические труды о киносценарии, независимые от многочисленных руководств по сценарному мастерству. Среди них «Сценарное письмо: история, теория и практика» Стивена Мараса, книги Стивена Прайса «История киносценария» и «Киносценарий: авторство, теория и критика», книга Тэда Нанницелли «Философия киносценария», диссертация Энн Игельстрём «Наррация в сценарном тексте», книга Александры Ксенофоновой «Модернистский киносценарий».¹

Интерес к киносценарию был и в советской науке. В 1920–1930-е годы стала формироваться «теория кинодраматургии» как отдельная область. Следует назвать книги В. К. Туркина «Сюжет и композиция сценария», В. М. Волькенштейна «Драматургия

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01040, <https://rscf.ru/project/23-78-01040/>.

¹ Maras S. Screenwriting: History, Theory and Practice. London; New York, 2009; Price S. 1) The Screenplay: Authorship, Theory and Criticism. Palgrave Macmillan, 2010; 2) A History of Screenplay. Palgrave Macmillan, 2013; Igelström A. Narration in Screenplay Text: A Thesis Submitted to the College of Arts and Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Bangor University, 2014; Nannicelli T. A Philosophy of the Screenplay. New York; London, 2016; Ksenofontova A. The Modernist Screenplay: Experimental Writing for Silent Film. Palgrave Macmillan, 2020.

References

1. *Akhmadulin E. V.* Pressa politicheskikh partii Rossii nachala XX veka: izdaniia liberalov. Rostov-na-Donu, 2001.
2. *Belyi A.* Mezhdv dvukh revoliutsii / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 1990.
3. *Bogomolov N. A.* Razyskaniia v oblasti russkoi literatury XX veka: ot fin de siècle do Voznesenskogo. M., 2021. T. 1. Vremia simbolizma.
4. *Briusov A. Ia.* Literaturnye vospominaniia // Sever. 1965. № 4.
5. *Khodasevich V. F.* Sobr. soch.: V 4 t. M., 1996. T. 1. Stikhotvoreniia. Literaturnaia kritika 1906–1922 / Sost. i podg. teksta I. P. Andreevoi, S. G. Bocharova; komm. I. P. Andreevoi, N. A. Bogomolova.
6. *Lavrov A. V.* «Pereval» // Lavrov A. V. Russkie simvolisty: etiudy i razyskaniia. M., 2007.
7. *Masanov I. F.* Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: V 4 t. M., 1956. T. 1.
8. Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticheskoi partii 1905 — sredina 1930-kh gg.: V 6 t. / Sost. D. B. Pavlov. M., 1997. T. 2.
9. Sobranie avtobiografii Anastasii Chebotarevskoi / Predislovie, publ. i komm. O. A. Kuznetsovoi // Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy. SPb., 2003.

Александр Сергеевич Александров

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Sergeevich Aleksandrov

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8611-6490

aspiros.83@mail.ru

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisnikevich@yandex.ru

**МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ:
1917 ГОД В ПЕРЕПИСКЕ А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. И. ЯСИНСКОГО**

**BETWEEN THE TWO REVOLUTIONS:
THE YEAR 1917 IN THE CORRESPONDENCE
OF A. A. IZMAILOV AND I. I. YASINSKY**

В состав публикации входит переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского, относящаяся к 1917 году. Основной ее темой является сотрудничество Ясинского в газете «Петроградский листок»: Измайлов занял пост ее редактора в апреле 1916 года и, наряду с другими известными писателями и журналистами, привлек Ясинского к участию в издании. Переписка позволяет проследить эволюцию позиции Ясинского от Февраля к Октябрю 1917 года и выявить, как его

отношение к происходящим в России событиям было скорректировано в книге мемуаров «Роман моей жизни».

Ключевые слова: А. А. Измайлов, И. И. Ясинский, газета «Петроградский листок», Февральская и Октябрьская революции 1917 года, эпистолярное наследие, мемуаристика.

The publication features the correspondence between A. A. Izmailov and I. I. Yasinsky (1917). It focuses on Yasinsky's collaboration with the *Petrogradsky Listok* newspaper: Izmailov took over as its editor in April 1916 and, along with the other well-known writers and journalists, enlisted Yasinsky to become one of the contributors. The correspondence traces the evolution of Yasinsky's position between February and October 1917 and shows how his attitude to the events in Russia was adjusted in his book of memoirs *The Novel of My Life*.

Key words: A. A. Izmailov, I. I. Yasinsky, *Petrogradsky Listok* newspaper, February and October Revolutions of 1917, epistolary heritage, memoirs.

Список литературы

1. Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4.
2. Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. Коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021.
3. Витте С. Б. Воспоминания: В 3 т. М.; Таллин, 1994. Т. 3.
4. Литературная жизнь России 1920-х годов: События, отзывы современников, библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 1.
5. Мисникевич Т. В., Александров А. С. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог // Русская литература. 2023. № 2.
6. Нымм Е. «Новый человек» в повести И. Ясинского «Учитель» // Блоковский сборник. Тарту, 2000. Вып. 15.
7. Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. Июль 1917 г. — май 1918 г.
8. Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1.
9. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004.
10. Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010.

References

1. Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov — reformator «Petrogradskogo listka» (1916–1918) // Russkaia literatura. 2008. № 4.
2. Aleksandrov A. S. Perepiska A. A. Izmailova i I. I. IAsinskogo (1915–1916 gg.) // Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnoi epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiiia analiza. Kollektivnaia monografiia / Otiv. red. i sost. A. A. Kholikov, pri uchastii E. I. Orlovoi. M., 2021.
3. Iasinskii I. I. Roman moi zhizni. Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd; vstuv. stat'ia L. L. Pil'd; podg. teksta T. V. Misnikevich; komm. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd. M., 2010.
4. Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia, otzyvy sovremennikov, bibliografiia / Otiv. red. A. Iu. Galushkin. M., 2005. T. 1. Ch. 1.
5. Misnikevich T. V., Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov i I. I. Iasinskii: epistoliarnyi dialog // Russkaia literatura. 2023. № 2.
6. Nymm E. «Novyi chelovek» v povesti I. Iasinskogo «Uchitel'» // Blokovskii sbornik. Tartu, 2000. Vyp. 15.
7. Partiia levykh sotsialistov-revoliutsionerov: Dokumenty i materialy. M., 2000. T. 1. Iiul' 1917 g. — mai 1918 g.
8. Pil'd L. Literaturnaia sud'ba i memuary Ieronima Iasinskogo // Iasinskii I. I. Roman moi zhizni. Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd; vstuv. stat'ia L. L. Pil'd; podg. teksta T. V. Misnikevich; komm. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd. M., 2010. T. 1.

9. *Shruba M. Literaturnye ob"edineniia Moskvyy i Peterburga 1890–1917 godov. M., 2004.*
10. *Vitte S. B. Vospominaniia: V 3 t. M.; Tallin, 1994. T. 3.*

Сергей Александрович Огудов

старший научный сотрудник Центра научного проектирования
Управления по научной работе РГГУ

Sergei Aleksandrovich Ogudov

Senior Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow)

ORCID: 0000-0002-5309-0754

s.ogudov@gmail.com

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ НАРРАЦИЯ В КИНОСЦЕНАРИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО

MULTIMODAL NARRATION IN THE SCREENPLAYS BY V. V. MAYAKOVSKY

В статье киносценарии В. В. Маяковского рассматриваются как мультимодальные нарративы, основанные на объединении моделей игрового, хроникально-документального и анимационного кино. На примерах из сценариев «Позабудь про камин», «Сердце кино», «Бенц № 22» и других раскрыто взаимодействие модусов передачи истории, позволяющих Маяковскому планировать постановку как сложный синтез нескольких видов кино.

Ключевые слова: нарратив, литературный сценарий, мультимодальность, кинематограф, медиум.

The article analyzes the screenplays by V. V. Mayakovsky as multimodal narratives that combine the models of feature films, documentaries and animation. Using the scripts for *Farewell to the Fireplace*, *The Heart of Cinema*, *Benz No. 22* and others as the case studies, the interactions between the modes of transmitting a story line are revealed, highlighting Mayakovsky's plan of the production as a complex synthesis of several cinematic strategies.

Key words: narrative, screenplay, multimodality, cinema, medium.

Список литературы

1. *Айснер Л. Демонический экран. М., 2010.*
2. *Белова Л. И. Сквозь время. Очерки истории советской кинодраматургии. М., 1978.*
3. *Вайсфельд И. В. Мастерство кинодраматурга. М., 1961.*
4. *Гуревич С. Д. Советские писатели в кинематографе (20–30-е годы). Л., 1975.*
5. *Кирик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Часть 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1.*
6. *Кузнецова В. А. У кино был друг: Кинодраматургия В. В. Маяковского (рукопись).*
7. *Маяковский В. В. Караул! // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1947. Т. 11.*
8. *Огудов С. А. Киноповествование В. В. Маяковского: соединение разных видов кино в сценарии «Как поживаете?» // Славистический сборник. 2019. № 95.*
9. *Пронин А. А. Бумажный Вертов / Целлулоидный Маяковский. М., 2020.*
10. *Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М., 2009.*
11. *Шмид В. Отбор и конкретизация в словесной и кинематографической наррации // Narratorium. 2011. № 1–2 (<http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2017636>; дата обращения: 31.10.2024).*
12. *Gibbons A. Multimodality, Cognition and Experimental Literature. London; New York: Routledge, 2012.*